

День бульдозериста

Автор:

Виктор Пелевин

День бульдозериста

Виктор Олегович Пелевин

На заводе ему упала на голову заготовка бомбы, сотрясение мозга и нельзя пить две недели. Все боятся, что без выпивки у него начнётся «чёрная горячка», но доктор обещает, что за две недели ничего страшного не случится... Мучения трезвеющего человека, в обществе вечно пьяных. Взрослые пьют в песочницах, дети играют на помойках, все знают когда в каком магазине будут продавать спиртное... Неожиданный итог трезвости – герой вспоминает, что на самом деле он американский шпион, внедрённый в сверхсекретный советский завод производящий атомное оружие, настолько секретный, что даже в быту никто не называет вещи своими именами. Весёлый штрих – в качестве матерных ругательств используются советские лозунги, поэтому ругань в рассказе – это просто чистая незамутнённая радость читателя.

Виктор Пелевин

День бульдозериста

Что они делают здесь.

Эти люди?

С тревогой на лицах

Тяжелым ломом

Все бьют и бьют.

Иван Померанцев упер локти в холодный сырой бетон подоконника с тремя или четырьмя изгибающимися линиями склейки (Валерка, когда жену пугал, ударил утюгом), сдул со стекла ожиревшую черную муху и выглянул в залитый последним солнцем осенний двор. Было тепло, и снизу поднимался слабый запах масляной краски, исходивший от жестяной крыши пристройки, покрашенной несколько лет назад и начинавшей вонять, как только чуть пригревало солнце. Еще пахло мазутом и щами – тоже совсем несильно. Слышно было, как вдали орут дети и ржут лошади, но казалось, что это не природные звуки, а прокручиваемая где-то магнитофонная запись – наверно, потому казалось, что ничего одушевленного вокруг не было, кроме неподвижного голубя на подоконнике через несколько окон. Улица была какой-то безжизненной, словно никто тут не селился и даже не ходил никогда, и единственным оправданием и смыслом ее существования был выцветший стенд наглядной агитации, аллегорически, в виде двух мускулистых фигур, изображавший народ и партию в состоянии единства.

В коридоре продребезжал звонок. Иван вздрогнул, отложил уже размятую «пегасину» – сигарета была сырой, твердой и напоминала маленькое сувенирное полено – и пошел открывать. Идти было долго: он жил в большой коммуналке, переделанной из секции общежития, и от кухни до входа было метров двадцать коридора, устланного резиновыми ковриками и заставленного детскими кедами да грубой обувью взрослых. За дверью бухтел тихий мужской голос и время от времени коротко откликнулась женщина.

– Кто? – спросил Иван бытовым тоном. Он уже понял кто – но ведь не открывать же сразу.

– К Ивану Ильичу! – отозвался мужчина.

Иван открыл. На лестничной клетке стояла так называемая пятерка профбюро, состоявшая у них в цехе из двух всего человек, потому что эти двое – Осьмаков и Алтынина (она была сейчас в марлевом костюмчике и держала в руках, далеко

отнесся от туловища, пахнувший селедкой сверток) – совмещали должности.

– Иван! Ванька! – заулыбался с порога Осьмаков, входя и протягивая Ивану две подрагивающие мягкие ладони. – Ну ты как сам-то? Болит? Ноет?

– Ничего не болит, – смутясь, ответил Иван. – Идем в комнату, что ли.

От Алтыниной еще сильнее, чем селедкой, пахло духами; Иван, когда шли по коридору, специально чуть отстал, чтоб не чувствовать.

– Вот так, значит, Ванюша, – грустно и мудро сказал Осьмаков, сев у стола, – все выяснили. То, что произошло, признано несчастным случаем. Это, дорогой ты мой человек, дефект сварки был. На носовом кольце. И с имени твоего теперь снято всякое недоверие.

Осьмаков вдруг потряс головой и огляделся по сторонам, словно чтобы определить, где он, – определил и тихонько вздохнул.

– У ней ведь корпус из урана, у бомбы, – продолжал он, – а кольцо-то стальное. Надо спецэлектродом приваривать. А они, во втором цеху, простым приварили. Передовики майские. Вот оно и отлетело, кольцо-то. Ты хоть помнишь, как все было?

Иван прикрыл глаза. Воспоминание было какое-то тусклое, формальное, словно он не вспоминал, а в лицах представлял себе рассказанную кем-то историю. Он видел себя со стороны: вот он нажимает тугую кнопку, которая останавливает конвейер, кнопка срабатывает с большой задержкой, и щербатую черную ленту приходится отгонять назад. Вот он цепляет крюком подъемника за кольцо отбракованную бомбу с жирной меловой галкой на боку (криво приварен стабилизатор, и вообще какая-то косая), включает подъемник, и бомба, тяжело покачнувшись, отрывается от ленты конвейера и ползет вверх; цепь до упора наматывается на барабан и срабатывает концевик.

«Уже четвертая за сегодня, – думает Иван, – так, глядишь, и премия маем гаркнет».

Он нажимает другую кнопку – включается электромотор, и подъемник начинает медленно ползти вдоль двутавра, приваренного к потолочным балкам. Вдруг что-то заедает, и бомба застревает на месте. Так иногда бывает – вмятина на двутавре, кажется. Иван заходит под бомбу и начинает качать ее за стабилизатор – так она набирает инерцию, чтобы колесо подъемника перекатилось через вмятину на рельсе, – как вдруг бомба странным образом поддается, а в следующую секунду Иван понимает, что держит ее в правой руке над своей головой за заусенчатую жесть стабилизатора. Дальше в памяти – окно больничной палаты: шест с бельевой веревкой да половина дерева...

– Вань, – прозвучал осьмаковский голос, – ты чего?

– Порядок, – помотал Иван головой. – Вспоминаю вот.

– Ну и что? Помнишь?

– Частично.

– Самое главное, – сказала Алтынина, – что вы, Иван Ильич, из-под бомбы выскочить все-таки успели. Она рядом упала. А...

– А по почкам тебе баллон с дейтеридом лития звезданул, – перебил Осьмаков, – сжатым воздухом выкинуло, когда корпус треснул. Хорошо хоть, баллон не грохнул – там триста атмосфер давление.

Иван сидел молча, слушая то Осьмакова, то большую черную муху, которая через равные промежутки времени билась в окно. «Верно, гости растревожили, – думал он, – раньше тихо сидела... Чего ж они хотят-то?»

Скоро с Осьмаковым произошло обычное рефлекторное переключение, которое вызвал у него простой акт сидения за столом в течение некоторого срока: его глаза подобрели, голос стал еще человечней, а слова стали налезать одно на другое – чем дальше, тем заметней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/viktor-pelevin/den-bul-dozerista>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)